

ЦЕНзуРА ПРОТИВ КОТИКОВ
ИЛИ ДЕЛО О ЗАПРЕТЕ “ВЕЧЕРА У МИСС РЫЖЕЙ ШЕРСТКИ”
И “ЖАКО И ЖУЧКИ” В ИЗДАНИИ МАВРИКИЯ ВОЛЬФА

Полина де Мауни

В 1873 году Комитет цензуры иностранной в Санкт-Петербурге запретил и не допустил к продаже два детских иллюстрированных альбома популярного и плодовитого художника и писателя Харрисона Уильяма Вира.¹ Переведённые с английского и напечатанные в Лейпциге петербургским издателем Мавриkiem Вольфом, эти две “брошюры” входили в большую серию детских альбомов *Новые книжки для малюток* под редакцией Алексея Разина.²

Упоминание об этом запрете встречается в книге *На книжном посту*, биографии Вольфа, написанной его многолетним сотрудником Сигизмундом Либровичем.³ Либрович не имел возможности в 1916 году ознакомиться с цензурными документами, но его рассказ побудил автора этой статьи обратиться к архивам, чтобы понять причины такого странного явления культурного поля, как запрет иллюстрированной детской книги.

История этого запрета демонстрирует генезис отдельного цензурного запрещения, и через него – многослойное устройство цензурной машины, общую степень давления цензуры на культурное поле Российской империи второй половины XIX века. Также она позволяет рассмотреть стратегии конкретного издателя в противостоянии этому давлению.

¹ [Weir, Harrison William] “Tittums and Fido”, “The Cats’ Tea-Party”, *The Poll-Parrot Picture Book*. Twenty-Four pages of illustrations printed in Kronheim. London & New York, George Routledge & Sons, 1871. Harrison William Weir (1824-1901) – художник-иллюстратор и писатель-анималист, основатель современной фелинологии, организатор первой в мире выставки кошек в Лондоне (1871).

² Алексей Егорович Разин (1822-1875) – педагог, детский прозаик, журналист, редактор и издатель, популяризатор науки; статский советник; первый редактор журнала “Вокруг света”. Из крепостных крестьян.

³ Либрович, С.Ф. История одной запрещенной детской книги // *На книжном посту: Воспоминания, записки, документы*. Петроград; М., т-во М.О. Вольф, 1916. С. 260-263.

Просветительский проект Маврикия Вольфа

Маврикий Вольф (Boleslaw Maurycy Wolff, 1825-1883), происходивший из семьи крещёных евреев, родился в Варшаве в семье врача Иосифа Вольфа (1766-1836). С юных лет увлечённый книгами, он основал собственное издательство в Санкт-Петербурге в возрасте двадцати восьми лет. По свидетельству Либровича, Вольф с самого начала выстраивал своё дело, ориентируясь на международный рынок, который он хорошо знал и где имел обширные связи. В ранней юности Вольф работал приказчиком в парижской Галерее Боссанж – роскошном книжном магазине и кабинете для чтения, основанном Мартеном Боссанжем⁴ в 1825 году, то есть в год рождения Вольфа. Семья Боссанж вела торговлю через Атлантику и одной из первых открыла магазины под своей маркой в Лондоне, Лейпциге, Мадриде, Монреале, Мехико и Нью-Йорке.⁵ Они также поставляли французские книги в Российскую империю, доставляя их морским путём в Санкт-Петербург и Одессу.⁶ Парижская книжная лавка в Пале-Рояле, по описанию современников, “располагалась в длинной галерее, разделённой зеркальными панелями, и книжными полками, сверкавшими переплетами с золотым тиснением, из желтого, фиолетового и красного сафьяна, с арабесками, с названиями книг в готическом и римском стилях”.⁷ В этой галерее под стеклянной крышей были собраны и систематизированы по языкам книги со всего света. После Революции 1830 года фирма Боссанжа обанкротилась.⁸ Французское отделение было выкуплено его партнёром – лейпцигским книготорговцем и издателем Генрихом Брокгаузом, зятем Рихарда Вагнера и издателем Артура Шопенгауэра, активно распространявшим французские книги в Германии.⁹ Когда мо-

⁴ Martin Bossange (1765-1865), Adolphe Bossange (1797-1862), Hector Bossange (1796-1884).

⁵ *Cooper-Richet, D.* La Librairie Bossange et le commerce transatlantique du livre au début du XIXe siècle. Retour sur les échanges entre *centre* et *périphérie* // *Passeurs d'Histoire(s)*. Figures des relations France-Québec en histoire du livre. 2010. P. 109-121.

⁶ *Barbier, F.* Le Commerce international de la librairie française au XIXe siècle (1815-1913) // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1981. Tome XXVIII, janvier-mars. C. 102.

⁷ *Cooper-Richet, D.* Le Musée encyclopédique de Martin Bossange // *Histoire de la librairie française*. 2008. P. 59-60. Здесь и далее перевод с иностранных языков на русский, кроме отдельно оговоренных случаев, наш – П.Д.М.

⁸ *Chartier, R. – Martin, H.-J.* Le monde des éditeurs. Crises et faillites // *Histoire de l'édition française*. Le temps des éditeurs. Paris, Fayard, 1990. P. 186-189.

⁹ *Вольф М.* 1853-1878. К двадцатипятилетию издательской деятельности. Санкт-Петербург, Вольф, 1878. С. 3-4.

лодой Вольф поступает на службу в лавку Боссанжа, книжная галерея в Пале-Рояле уже принадлежит Брокгаузу.

После трех лет работы в Париже Вольф переезжает в Лейпциг, где работает у Вильгельма Энгельмана, а затем он отправляется в Вильно, где служит у книготорговца Теофиля Глюксберга.¹⁰ В этот период Вольф также занимается торговлей книг в разнос, то есть путешествует с небольшой передвижной лавкой по городкам и деревням. Осенью 1848 года он поступает приказчиком к петербургскому книготорговцу Якову Исакову,¹¹ чья книжная лавка была своеобразным центром петербургской интеллектуальной жизни.¹² Однако сам Исаков, сын корабельного плотника Адмиралтейства, не получил систематического образования, слабо владел французским, и именно Маврикий Вольф вёл за него переписку, вскоре став заведующим отделом французской литературы. Работая приказчиком, Вольф постепенно вошел в круг польских писателей,¹³ он сблизается, в частности, с епископом, а затем архиепископом Могилёвским Игнатием Холовинским (Ignacy Hołowiński), переводчиком Шекспира на польский язык. Пользуясь тем, что цензура польских книг в Санкт-Петербурге была менее строгой, чем в Варшаве, Вольф публикует его *Паломничество в Святую землю*.¹⁴ Этот крупноформатный, богато иллюстрированный труд имел успех благодаря хорошо организованному распространению, осуществлённому самим автором, и принёс издателю совокупный доход в 40 000 рублей. Между 1848 и 1853 годами Вольф выпускает свыше 150 томов на польском языке, в том числе издание произведений Адама Мицкевича, своего любимого автора. Капитал, накопленный за счёт этих публикаций, позволяет Вольфу основать собственное дело. В 1853 году он открывает в Гостином дворе “Универсальную книжную торговлю” – рядом с лавкой Исакова и недалеко от Императорской публичной библиотеки. В этот период Вольф начинает издавать книги на русском языке: его первой публикацией становится книга *Общедоступная механика*,¹⁵ хорошо принятая читателями.

¹⁰ Феофил Глюксберг (1796-1876) – виленский и киевский книготорговец и типограф.

¹¹ Яков Исаков (1811-1881) – книготорговец и издатель, владелец иностранной (главным образом французской) читальни, издатель сочинений Пушкина (1859, 1869-1871, 1880-1881).

¹² Белов С. Издатель Пушкина Я. А. Исаков // *Временник Пушкинской комиссии*. 1987. № 21. С. 173-181.

¹³ Либрович С.Ф. Там же. С. 372.

¹⁴ Hołowiński I. Pielgrzymka do Ziemi Świętej. St. Petersburg, Wolff, 1853.

¹⁵ Delaunay Ch. Cours élémentaire de mécanique théorique et appliquée. Paris, Masson,

Создатель одного из крупнейших и успешных дореволюционных издательств, Маврикий Вольф был в первую очередь просветитель. Описывая ситуацию на российском книжном рынке в начале своей карьеры, он подчёркивал значимость избранных им направлений – литературы познавательной, научно-популярной, детской, иллюстрированной и иностранной:

Внимательно всматриваясь в книжное дело в России десять лет тому назад, не трудно было заметить, что оно находилось в состоянии почти первобытном. <...> каждый автор издавал книгу на свой счет, если только не печатал сочинения своего в журнале. Правильной книжной торговли, в европейском смысле слова, не было. Вся педагогическая литература наша состояла только из тех учебников, которые были приняты в руководство в казенных заведениях. Учебник, не освященный принятием его в одной или нескольких казенных школах, не смел явиться в свет. Детская литература состояла из древнего *Друга Детей*,¹⁶ *Зрелища Вселенной*¹⁷ и десятка обветшалых книжек. Две, три плохие картинки в детской книге были неслыханною роскошью. Торговля иностранными книгами велась двумя, тремя знающими людьми, отлично понимавшими потребности русской публики; зато иностранные книги были непомерно дороги, так что большинству они были недоступны. Были даже целые отрасли знаний, по которым не было издано ни одной книги, и если, бывало, книгопродавец издавал на свой счет две, три книги в пять лет, то он смело называл себя издателем-книгопродавцем. Нисколько не желая бросить тень на своих собратьев по ремеслу, заметим, однако, что серьезный успех отечественной литературы не мог зависеть от таких ограниченных издательских усилий.

Задача наша заключалась в том, чтобы пополнить все то, чего не доставало.¹⁸

За почти тридцать лет работы, то есть к 1880 году, в котором происходит действие этой статьи, каталог Вольфа насчитывал сотни книг, как импортированных, так и изданных им самим. У него получилось насытить рынок новыми книгами, во многом потому, что его издательская стратегия в отношениях с Комитетом цензуры и властью вообще, была чрезвычайно осторожной.¹⁹ В первые годы своей деятельности он стол-

1851. Шарль Делоне (1816-1872) – французский астроном и математик, теоретик и исследователь движения Луны.

¹⁶ *Berquin A. L'Ami des enfants.* Paris, Didier, 1845.

¹⁷ *Решетников И.* Новое зрелище вселенной. Пер. с немецкого. М., Пономарев, 1811.

¹⁸ *Вольф М.* Отчет за десять лет работы. Санкт-Петербург, Вольф, 1866.

¹⁹ Николай Лесков вспоминает подготовку своей книги *Некуда*, изданной у Вольфа в 1864 году: рукопись прошла нескольких этапов цензурной и даже “сверхъестественной” цензурной проверки, и издатель настаивает на сохранении всех исправлений, внесённых цензорами, “перед которыми он чувствует вечный трепет”. *Лесков Н.* Полное собрание сочинений. М., Художественная литература, т. 10, 1958. С. 163-164.

кнулся с настоящим преследованием, когда был уничтожен его научно-популярный журнал переводной литературы “Заграничный вестник”, редакторами которого были писатель Александр Афанасьев-Чужбинский,²⁰ педагог Пётр Зейдлер²¹ и публицист Пётр Лавров.²² Главным редактором “Вестника” был Лавров, именно он определял содержание. Журнал Вольфа публиковал переводы европейских – преимущественно французских и английских – авторов позитивистского направления, выражавших социалистические и антиклерикальные идеи:²³ Клода Бернара,²⁴ Луи Блана,²⁵ Ипполита Тэна,²⁶ Марселена Бергло,²⁷ Эрнеста Ренана,²⁸ Эдуарда Лабуле,²⁹ Чарльза Дарвина,³⁰ Поля Брока.³¹ Антропологические, исторические и биографические статьи чередовались с художественными произведениями Уилки Коллинза, Франческо Далл’Онгаро,³² Мэри Элизабет Брэддон,³³ Чарльза Диккенса³⁴ и других авторов. По сво-

²⁰ Александр Афанасьев-Чужбинский (1817-1875) – украинский литератор, переводчик с польского и русского, друг фольклориста Опанаса (Афанасия) Марковича и Николая Лескова.

²¹ Пётр Зейдлер (1821-1873) – публицист, основатель и директор Дома воспитания бедных детей.

²² Пётр Лавров (1823-1900) – публицист, популяризатор науки, основатель журнала “Вперёд!”, революционер.

²³ Отрывки из антиклерикального романа *Le Maudit*, подписанного псевдонимом “Abbe***” (Жан-Ипполит Мишон), были опубликованы в первом номере журнала: [*Michon, Jean-Hippolyte*] *Le Maudit*. Paris: Lacroix, Verboeckhoven & Cie, 1864.

²⁴ Яд кураре // Заграничный вестник. 1864. Т. 4, № 11; Успехи физиологических наук // Заграничный вестник. 1865. Т. 7, № 9.

²⁵ Письма об Англии, т. 9, № 1; Община и государство // Заграничный вестник, т. 9, № 2.

²⁶ Шекспир // Заграничный вестник. 1864. Т. 2, № 4 и 5; Лорд Байрон // Заграничный вестник, 1864. Т. 4, № 11; Философия искусства // Заграничный вестник. 1865. Т. 8, № 10.

²⁷ Наука положительная и наука идеальная. Письмо М. Бергло к Э. Ренану // Заграничный вестник. 1864. Т. 1, № 1.

²⁸ Высшее преподавание во Франции, его история и будущее // Заграничный вестник. 1864. Т. 2, № 4.

²⁹ Америка и Франция // Заграничный вестник. 1864. Т. 4, № 10.

³⁰ Теория Дарвина и ее приложение // Заграничный вестник. 1864. Т. 2, № 5.

³¹ Современное движение в антропологии, в особенности во Франции. Речь Брока в парижском антропологическом обществе // Заграничный вестник. 1864. Т. 1, № 2.

³² Потерянный ботинок // Заграничный вестник. 1864. Т. 2, № 4.

³³ Жена доктора // Заграничный вестник. 1865. Т. 5.

³⁴ Мугбийская станция // Заграничный вестник. 1866. Т. 13, № 1. На станции железной дороги. Сигнальщик. Святочный рассказ Чарльза Диккенса // Заграничный вестник. 1866. Т. 13, № 2.

ей структуре “Заграничный вестник” напоминал французские журналы “Revue des Deux Mondes” или “Revue indépendante” и сближался в этом с “Современником”. При этом Лавров помещал в журнал наряду с переведёнными текстами и обширные обзоры статей и книг, превращаясь в автора, “сопровождая излагаемый материал своим осмыслением”.³⁵ Такой приём позволял напрямую высказываться о парламентаризма или американской демократии избегая при этом цензурного запрещения. Прогрессивные издания, такие как “Современник” и “Санкт-Петербургские ведомости”, высоко оценивали педагогическую направленность и богатство содержания “Заграничного вестника”. Официальная же пресса – в частности, “Русский инвалид” – упрекала журнал в “утопизме”, “меланхолии” и “восхищении радикальными и странными идеями”.³⁶ Большинство авторов, публикуемых в журнале, оставались анонимными.³⁷ Исключение составлял сам Лавров, который вёл в каждом номере постоянную рубрику “Европейская жизнь”. Афанасьев-Чужбинский, предположительно отвечал за переводы с французского. Благодаря воспоминаниям Елены Штакеншнейдер³⁸ известно, что некоторые тексты принадлежали переводчице Евгении Конради,³⁹ участнице основанной в 1863 году Женской издательской артели под руководством Надежды Стасовой и Марии Трубниковой.⁴⁰ Несмотря на всю осторожность Вольфа и всей редакции, в 1867 году цензура приостанавливает, а затем окончательно запрещает “Заграничный вестник”, а его главный редактор отправляется в ссылку. Вышло всего тринадцать томов журнала. После этой истории Вольф отказался от намерения издавать что-либо с выраженной политической позицией. Он переориентировался на естественные науки и детское чтение: на научно-популярный журнал “Вокруг света” (1861-) и детский журнал “Задушевное слово” (1876-1918). Однако он не отказался от своей политической позиции и не перестал сочувствовать Поль-

³⁵ Рейфман П. Журнал “Заграничный вестник” // Труды по русской и славянской филологии (Тарту). 1965. VIII. С. 136.

³⁶ [Это мечтатели, утописты, не знающие и не желающие знать ни истинных потребностей, ни истинных условий окружающей их действительности, живущие в каких-то заоблачных сферах, говорящие с чужого голоса, увлекающиеся чуждыми нам идеями коренных, радикальных, всеобщих преобразований]. Рейфман П. Там же. С. 132-133.

³⁷ Там же. С. 137.

³⁸ Штакеншнейдер Е. Воспоминания (1854-1886). Ленинград, Académia, 1934. С. 370.

³⁹ Евгения Конради (1838-1898) – переводчица и публицистка, редактор и издатель газеты Неделя (1868-1874).

⁴⁰ Надежда Стасова (1822-1895), Мария Трубникова (1835-1897) и Анна Энгельгардт (1838-1903) – основательницы Женской издательской артели (1863-1879).

ше и польской борьбе за независимость. Книжный клуб, располагавшийся в конторе его издательства, оставался неофициальным местом встреч для литераторов, разделявших его взгляды.

Таким образом – через столкновение с цензурой – Вольф радикально изменил свою издательскую стратегию и занял другую нишу, постепенно стал главным импортером детской литературы из Европы и Америки в Российскую империю и приобрел репутацию политически нейтрального, но независимого издателя. Безусловно запрет даже двух его книг должен был сильно ему досаждать, и он не мог смириться с этим решением.

Но перед тем, как говорить об обстоятельствах этого противостояния, нужно сказать несколько слов про устройство цензурного аппарата.

Устройство Цензурного Комитета и Центрального Комитета цензуры иностранной

Главное управление цензуры или Верховный Цензурный Комитет был создан *Уставом о цензуре* 1826 года при Министерстве народного просвещения. Председателем Главного управления цензуры являлся министр народного просвещения. Главному управлению были подчинены цензурные комитеты в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Вильно, Киеве, Одессе, Тифлисе. В подчинении у Главного управления находился Центральный комитет цензуры иностранной (1828-1894) в Санкт-Петербурге, и подведомственные ему комитеты – в Риге и Одессе, а также отдельные цензоры в Дерпте, Ревеле и Казани.

Главное управление было расформировано в 1863 году в связи с передачей вопросов цензуры в Министерство внутренних дел. Вместо него было образовано Главное управление по делам печати (1865-1917) или Г. У. П. Д. П., существовавшее вплоть до Революции.

С 1878 по 1898 годы, то есть в ту эпоху, когда Маврикий Вольф добивался снятия запрета с детских альбомов, из трех отделений Главного управления 1-е отвечало за столичные, 2-е за провинциальные, а 3-е – за все остальные изданные в Российской империи книги.

Центральный Комитет цензуры иностранной контролировал поступающие в Россию заграничные издания и принимал решения по нескольким категориям: допуск с разрешением к переводу, допуск в страну в книжные магазины и на ввоз частными лицами (то есть книгой можно было владеть, не опасаясь изъятия), частичный допуск с вымарыванием запрещенных фраз и наконец полный запрет.⁴¹ При этом допускалась выдача

⁴¹ Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828-1917: документы и материалы, РНБ. СПб., 2006. С. 264.

недозволенных книг и журналов частным лицам по специальному обращению (“Revue des Deux Mondes”, например, можно было выписывать и получать, обращаясь в Цензурный комитет).⁴² Все это касалось книг и периодических изданий для и взрослых, и для детей,⁴³ хотя последние редко оказывались запрещенными.⁴⁴

Цензура иностранных книг и прессы осуществлялась в двух местах: в самом Комитете цензуры иностранной и на почте. В почтовых отделениях цензоры осматривали бандероли с выписанными по почте книгами и журналами и принимали решение принимать посылку или вернуть отправителю. Сотрудников было мало и рассмотрение посылок занимало месяцы.

Председатель Комитета Петр Вяземский в отчете Комитета цензуры иностранной за 1879 г. отмечал неудобство двойного устройства:

Существование в одном и том же государстве, мало того, в одном и том же министерстве двух независимых друг от друга учреждений для одного и того же дела, ведет за собой на практике невообразимую путаницу: единообразия в цензурных постановлениях не существует, и нередко случается, что те же самые известия пропускаются в газетах одним цензурным учреждением, которые вымарываются другим, а читающей публике приходится только недоумевать о причинах такой непоследовательности в цензурных решениях.⁴⁵

⁴² РГИА. Ф. 779. Оп. 1. Д. 440.

⁴³ Французский издатель Пьер-Жюль Этцель, многолетний партнер Вольфа, получал разрешение на ввоз своего детского журнала “Magasin d’éducation et récréation” в Российскую империю от советника российского посольства во Франции Окунева Г.Н.: В издательство Hetzel & Cie, 26 марта 1870 г., Париж. “Разрешение на ввоз в Россию” [Admission de l’entrée en Russie] IMEC HTZ 5.21. Л. 1.

⁴⁴ Активный экспортер детской литературы Этцель сталкивался с цензурными запрещениями всего несколько раз: *История французского крестьянина (Histoire d’un homme du peuple)* Эмиля Эркмана и Александра Шатриана была запрещена в 1865 г.; *Путешествие в центр Земли Жюль Верна* в переводе А.И. Сувориной и Е.О. Лихачевой изымалось из ученических библиотек отдельным указом в марте 1867 г. Роман Жюль Верна *Драма в Лифляндии* подвергся частичному цензурному запрету в 1904 г.: ввоз был разрешён, но без двух страниц, где говорилось о подпольной борьбе с царским правительством. Кроме текста, цензурному запрещению подверглась и иллюстрация с арестом главного героя полицией. Были запрещены и две книги самого издателя, писавшего под псевдонимом П.-Ж. Сталь: *Маруся (Maroussia)* – французская адаптация украинской повести Марии Маркович (Марко Вовчок) – в 1879 г., и детская книжка о загробном мире *Рай господина Томо (Le Paradis de Monsieur Toto)* в 1881 г. *Де Мони, П.* “Михаил Строгоф” в царской и советской цензуре // *Цензура в России: история и современность.* Санкт-Петербург, Рос. нац. б-ка, Ин-т истории естествознания и техники Рос. Академии Наук, 2021. С. 273.

⁴⁵ *Вяземский П.* Заключение к отчету о действиях иностранной цензуры в 1879 год // *Комитет Цензуры иностранной в Петербурге, 1828-1917.* С. 151.

Книги, разрешенные к переводу, могли быть изданы в Российской империи, дата разрешения маркировалась в начале книги, слева от титульного листа. Все детские альбомы Вольфа получали такое разрешение и он, печатая книги на русском языке в Лейпциге, где работали типографские станки нового образца для цветной печати, спокойно “импортировал” их в империю. Однако *Вечер у Мисс Рыжей Шерстки* и *Жако и Жучка*, изданные в 1873, подверглись цензуре, что делает их случай уникальным.

В начале 1880 году руководителем Главного управления цензуры становится сенатор Николай Абаза,⁴⁶ двоюродный брат министра финансов Александра Абазы.⁴⁷ Именно с личного обращения Вольфа к новому начальнику и начинается *Дело о Мисс Рыжей Шерстке*. Оно хранится в фондах Управления цензуры в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, его полное название: “Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. 1880 г. ‘Дело о запрещении распространения брошюр *Вечер у мисс рыжей ‘шерстки’* и *Жако и Жучка*, изданных за границей М.О. Вольфом, и о последующем разрешении их распространения’. 25 окт. 1880 – 24 апреля 1881”. Дело состоит из девяти документов на одиннадцати листах: двух прошений издателя, справки о причинах запрета от чиновников Управления, экспертизы, заказанной Управлением для принятия решения, двух листов “Журнала Главного управления”, четырех ответов Управления издателю.

Документ первый: обращение издателя

Дело открывает письмо Вольфа Абазе, новому начальнику Управления, на которого, вероятно, возлагались надежды, как на человека здравомыслящего. В обращении указано, что это второе прошение издателя, что означает, что первое получило отказ и дело не было открыто. Мы приводим письмо Вольфа целиком, потому что из него становится очевиден первый слой этого запрета – административная противоречивость – все

⁴⁶ Николай Саввич Абаза (1837-1901) – русский государственный деятель либерального направления, инициатор попытки реформы цензурного ведомства, действительный тайный советник, начальник Главного управления по делам печати (4 апреля 1880 – 5 апреля 1881).

⁴⁷ Александр Агеевич Абаза (1821-1895) – русский государственный деятель направления, министр финансов Российской империи (1880-1881), друг юности Тургенева и страстный поклонник таланта Полины Виардо, охотился вместе с Луи Виардо под Петербургом; их двоюродный брат Эраст написал романс на стихотворение Тургенева *Утро туманное*. Представитель группы “либеральных бюрократов”.

остальные альбомы этого автора были допущены. Можно также сделать выводы об униженном положении просителя по отношению к инстанции по раболепному тону письма:

*Второе обращение Вольфа
28 окт 1880.
Книгопродавца-издателя
Маврикия Осиповича Вольфа.
Докладная записка.*

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Николай Саввич

Препровождая при сим две изданных мною в 1873 году детских книги “Жако и Жучка” и “Вечер у Мисс Рыжей Шерстки”, запрещенные С. Петербургским Комитетом Цензуры Иностранной, вместе с оригиналами этих книг на английском языке и переводом на французский, в оригинале и переводе на другие иностранные языки дозволенные, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой подвергнуть русское издание означенных книг вторичному рассмотрению и допустить их обращение в Империи.

Книги эти из сорокатомной коллекции, [неразб.] дозволенной и переведенной на главные европейские языки. Желая удовлетворить требованию публики, я поручил одному из способнейших педагогических писателей А.Е. Разину, выбор двадцати книг, которые при сим прилагаю. Восемнадцать из них были допущены цензурой, две упомянутые, приостановлены.

В эти брошюры с дозволения Московского Цензурного комитета были перепечатаны в Москве и поныне находятся в обращении, как приложенная при сим одна из них, “Вечер у мисс Рыжей Шерстки”, того доказывает.

Расходы по изданию двух упомянутых выше книг слишком велики и убыток, которые я принуждён понести в случае окончательного запрещения, при нынешнем застое в русской книжной торговле весьма был бы для меня чувствителен.

Прибегая к Вашему беспристрастию, справедливости и светлому взгляду, я [надеюсь] что покорнейшая моя просьба не останемся без благоприятного для меня исхода.⁴⁸

Московский цензурный комитет и Петербургский не зависели друг от друга, и не принимали совместных решений, что создавало путаницу, сходную с упомянутой выше путаницей между Комитетом и цензурой на почте.

⁴⁸ Докладная записка Маврикия Вольфа Николаю Абазе, 25 окт. 1880, РГИА Фонд 776, оп. 20, д. 308. Л. 1.

“Новые книжки для малюток”

Небольших книжечки, посланные Вольфом, входили в серию детских альбомов художника и писателя-анималиста Харрисона Уильяма Вира, изданные англо-американским издательством Рутлэдж (George Routledge & Son), существующем и сегодня. Вир любил животных, особенно кошек, собак и кроликов, а также птиц – куриц и голубей. Все они часто становились героями его книг.⁴⁹ Эти небольшие веселые истории про животных были невероятно популярны по обе стороны Атлантики. Рассказы *Вечер у мисс Рыжей Шерстки (The Cats' Tea-Party)* и *Жако и Жучка (Tittums and Fido)* входят в книгу *The Poll-Parrot Picture Book*.⁵⁰ Они также существовали и в виде отдельных небольших альбомов на бумаге или холсте, как например *The Cats' Tea Party*.⁵¹ В нашем распоряжении не оказалось изданий на русском языке – это были отдельные альбомы, но составить представление о них можно по английским оригиналам.

Илл. 1. Обложка отдельного издания Кошачьего чаепития (*The Cats' Tea Party*)

⁴⁹ Формат этой статьи не позволяет привести библиографию всего написанного и нарисованного Виром. Основные труды: *Our Cats and All About Them* (1889), *Animal Studies, Old and New* (1885), *Our Poultry and All About Them* (1903).

⁵⁰ *Tittums and Fido, The Cats' Tea-Party, The Poll-Parrot Picture Book*. Twenty-Four pages of illustrations printed in Kronheim. London & New York, George Routledge & Sons, 1871.

⁵¹ *The Cats' Tea Party*, Routledge's Nursery Book. London & New York, George Routledge & Sons, 1865.

Сюжет первой истории прост – немолодые воспитанные кошки и коты собираются в гостях у подруги выпить чаю с булочками и помузицировать; служит кошке обезьяна Жако:

Мисс Рыжая Шерстка была тихим, гладким и пожилым созданием, таким чинным, что друзья звали её старой девой. А некоторые даже говорили, будто она старая кошка – но это были как раз те, кого не приглашали на её милые чаепития. Когда мисс Рыжая Шерстка устраивала чаепитие, она посылала своего слугу Жако разослать приглашения. Жако был умной обезьянкой, раньше он служил в Зоологическом саду, где привык бывать в обществе и видеть много народа. Однажды мисс Рыжая Шерстка решила устроить приём побольше обычного. Она заказала розовых креветок, маффинов, свежую французскую сдобу и фунт сливочного масла. Затем она отправила Жако, одетого в новый камзол, разносить приглашения. Первым пришел мистер Бархатный Мур – спокойный старый холостяк, который почти весь день сидел на скамейке в саду и наблюдал за птицами, но был слишком хорошо откормлен, чтобы ловить мышей.⁵²

Илл. 2. Вечер у Мисс Рыжей Шерстки

История Жако и Жучки куда более насыщена событиями. В ней несколько действующих лиц: кошка, пес, попугай и ворона. Кошечка и пес понимают, что любят друг друга и живут счастливо, но потом кошечка

⁵² Mr Velvet Purr and the other visitors arrive at Miss Tablitha's // The Cats' Tea Party, Routledge's Nursery Book. London & New York, George Routledge & Sons, 1865.

знакомится с нарядным попугаем и покидает ради него своего возлюбленного. Пес ревнует и грустит. Однако вскоре выясняется, что попугай уже состоит в отношениях с вороной. Кошечка и ворона понимают коварство попугая – и решают наказать неверного. В финале кошечка возвращается к своему первому возлюбленному, который ее прощает.

Илл. 3. Жако и Жучка

Документ второй и третий: справка цензурного Комитета и решение Абазы

Следующий документ дела – Справка цензурного Комитета с причинами запрета, тоже адресован новому начальнику. Мы его тоже приводим целиком:

Изданные за границей книгопродавцем Вольфом брошюры “Вечера у мисс Рыжей Шерстки” и “Жако и Жучка” не дозволены цензурою потому, что обе они снабжены рисунками, на которых животные изображены с орденскими знаками и в военной форме, и что сверх того брошюра “Жако и Жучка”, излагая любовные похождения Жучки, не может быть допущена и по своему содержанию к обращению. Совет Главного Управления по делам печати, в виду вышеизложенного, нашел с своей (sic) стороны неудобным допустить названные брошюры к обращению, каковое заключение Совета и было утверждено Министром Внутренних Дел 21 февраля 1873 года.

Вторичное ходатайство Вольфа по тому же предмету, в 1876 г., признано было Советом не заслуживающим удовлетворения.⁵³

Спустя два месяца после обращения Вольфа, 25 декабря 1880 года, сенатор Абаза прочитал *Вечер у мисс Рыжей Шерстки* и *Жако и Жучку* или же, что более вероятно, препоручил это дело бессменному члену совета Министерства внутренних дел и члену совета Главного управления по делам печати Василию Лазаревскому,⁵⁴ приятелю Николая Некрасова по охоте, игравшему в отношениях с либерально-демократической прессою роль “доброго следователя”. Абаза адресует их совместное заключение цензору и другому члену Главного управления по делам печати тайному советнику Федору Еленеву:

М.В.Д.

Главное Управление По делам Печати.

25 декабря 1880 года

Книгопродавцем Вольфом в 1873 году были изданы за границей и переведены на русский язык две детские брошюры “Вечер у мисс Рыжей шёрстки” и “Жако и Жучка”, которые, согласно утвержденному бывшим Министром Внутренних Дел, 21 Февраля 1873 г., заключению Совета Местного Управления по делам печати, запрещены ко ввозу в Россия в виду того, что обе брошюры снабжены рисунками, изображающими животных в военной форме и с орденскими знаками и что сверх того брошюра “Жако и Жучка”, излагая любовные похождения “Жучки” не соот-

⁵³ Справка, 25 окт. 1880, РГИА Фонд 776, оп. 20, д. 308. Л. 7.

⁵⁴ Василий Матвеевич Лазаревский (1817-1890) – член Совета Главного управления по делам печати, впоследствии начальник Главного управления по делам печати (Комитет иностранной цензуры).

ветствует по своему содержанию детскому возрасту. <...> Принимая во внимание, что мундиры и ордена, изображенные на рисунках брошюр “Вечер у мисс Рыжей шёрстки” и “Жако и Жучка”, не имеют ничего общего с русскими образцами, что оригиналы этих брошюр обращаются в течении 8 лет в Европейских государствах, где ордена и другие знаки отличия пользуются не меньшим уважением чем у нас, и наконец, что изложения походов Жучки не заключает в себе ничего циничного и оскорбляющего нравственность, я [зачёркнуто] Т. Сов. Лазаревский, полагаю [зачёркнуто] полагал бы с своей стороны возможным дозволить означенные брошюры к обращению в России, о чем и имею честь представить на рассмотрение Вашего Сиятельства.

Начальник Главного Управления По делам печати,
Сенатор Абаза.⁵⁵

Однако же решения Лазаревского и Абазы оказалось недостаточным чтобы разрешить Жако и Рыжую Шерстку для маленьких петербуржцев. Еленев занялся этим вопросом всерьез, но сам не мог понять, представляют ли нарисованные коты угрозу для будущего детей и общественного порядка. Уникальность запрета подчеркивает обращение Еленева за независимой экспертизой к писательнице Наталье Грот, автору большой статьи *Наша детская литература* в защиту “святыни детской души” от “всякого рода вредных влияний”.⁵⁶ В тексте, представляющим из себя пространную рецензию на журнал “Учитель”, Грот высказывается против натуральной школы, которую называет “грязно-циничной беллетристикой последних годов”, которая “с особенной любовью останавливается на разрушительных сценах страданий и горьких чувствах”. Она хвалит детские книги А.Е. Разина, который был редактором “Новых книжек для малюток” и выбирал к переводу детские альбомы для Вольфа. Общественная позиция Натальи Грот основана на утопическом представлении о детстве, как о безусловно счастливом периоде в жизни человека – “беззаботном детском счастье”,⁵⁷ и именно этим она обосновывает необходимость цензуры детских книг. Ее взгляд на детскую литературу как на инструмент воспитания созвучен взглядам педагога Елизаветы Тихеевой (1867-1943), которая тоже выступала за усиления контроля над детскими книгами.⁵⁸

⁵⁵ Журнал Гл. упр. По д. п. за номером, [Решение Н. Абазы], РГИА Фонд 776, оп. 20, д. 308. Л. 8.

⁵⁶ Грот, Н. Наша детская литература // Современная летопись, воскресное прибавление к “Московским ведомостям”. 1864. № 15, апрель. С. 9-14.

⁵⁷ Грот, Н. Наша детская литература // Современная летопись, воскресное прибавление к “Московским ведомостям”. 1864. № 13, апрель. С. 6.

⁵⁸ Сергиенко, И. Детские книги – “плохие” и “хорошие”: дискуссии критиков 1890–1920-х гг. // Детские чтения. 2020. Т. 17, вып. 1, июнь. С. 14.

Грот пишет детальный отчет 23 февраля 1881 года. “Мне кажется, что вопрос о непозволительности книжки *Жако и Жучка* тесно связан с другим гораздо более важным вопросом, – начинает свою экспертизу Наталья Петровна, – должна ли детская литература в просвещенном и христианском обществе быть ограждена от злонамеренной пропаганды безнравственности и разврата или нет, и этот вопрос должен быть прежде установлен твердо”.⁵⁹ Далее она рассуждает о роли родителей и государства, и повторяет свои идеи о цензуре, как родительской опеке и защите, уже высказанные в статье:

Но детский мир уже совершенно беззащитен, в нем не может быть никакого опоры, стало быть, ясно что [детей] должно оградить от дурных влияний взрос[лых]. Нам могут возразить что есть родители, чтобы выбирать детские чтение и отбрасывать негодные и вредные книги. Да есть ли у всех детей родители? Все ли родители грамотные? Не началось ли теперь быстрое распространение грамотности между детьми людей совершенно безграмотных или полуграмотных? Все ли грамотные родители [стоят] на том чутком нравственном чувстве и твердых правилах? Наконец, все ли родители найдут досуг перечитывать всякую книжку, которая попадается в руки их детям? К сожалению, мы должны сознаться, что за все последнее время у нас почти ничего не делалось, чтобы оградить детскую литературу от той нравственной заразы, которая злонамеренно распространяется, не встречая никакого опоры в своей преступной деятельности.

В заключении она приходит к тому, что запрет справедлив, однако должен быть не единичным, а стать правилом и только в этом случае он будет имеет смысл:

К этому числу [нравственно заразных текстов] может быть отнесена и книжка “*Жако и Жучка*” отличающаяся не только безнравственным содержанием, но и совершенно несообразной фабуле с возрастом, для которого она назначается, кроме того изображение самое плохое, шаблонные картинки должны не только оскорблять вкус, но и утомлять детский взор своей грубой аляповатостью.

При всем этом запрещение такой книжки могло иметь значение только в таком случае, если цензура намерена и впредь следить более зорко и внимательно за детской литературой, если наш идеал свободы не будет выражаться в одном безграничном просторе для всякого зла, дерзко вторгающегося даже в святую область детского воспитания и грозящего отравить не только настоящее, но и будущее нашего отечества.

Вероятно, рассказ про кошачье чаепитие так и остался бы лежать в цензурном комитете, если бы не случай. В апреле 1881 года Николая Абазу на посту начальника Управления сменяет Павел Вяземский – дипломат, литератор и успешный мистификатор, написавший фривольные

⁵⁹ Грот, Н. Письмо Федору Еленеву, 23 февраля 1881 года // РГИА Фонд 776, оп. 20, д. 308. Л. 2.

*Письма и записки*⁶⁰ от лица французской писательницы Адель Оммер де Гелль,⁶¹ и которые едва ли бы оценила Наталья Грот. С его приходом начинаются недолгие “послабления”. Как рассказывает Либрович в упоминавшейся уже биографии, Вяземский до своего назначения и уже будучи начальником любил заходить в магазин Вольфа на Невском проспекте. Однажды он застал хозяина и узнал от него о конфискованных цензурой книгах:

Князь Вяземский, сначала было не поверивший факту, узнав все подробности, тут же на протоколе сделал надпись: “Разрешаю выпустить в продажу обе книжки. Начальник Главного управления по делам печати, князь Вяземский”. Не удовлетвовавшись этим, он на следующий же день прислал одного из подведомственных ему чиновников снять печати с запрещённых книжек. И обе книжки поступили в общую продажу.⁶²

Таким образом эти книги оказались наконец там, где они и должны были быть – в рубрике “Новые книжки для малюток”:

Эта новая шуточная сказка описывает вечер у кошки. <...> Не имея педантический нравственной подкладки, она ставит своей единственной целью развлечь ребенка, и без сомнения достигает этого своими полными жизни и юмора картинками, к которым текст служит лишь дополнением. Весёлая книжка для маленьких детей, украшенная 8 большими раскрашенными картинками.⁶³

* * *

История о запрете двух безобидных детских книг позволяет заглянуть внутрь сложного и противоречивого механизма цензурного контроля в Российской империи конца XIX века – активно развивающейся бюрократической структуры, которая регулирует развитие культурного поля и ограждает его от внешнего влияния.

Просветительская стратегия Маврикия Вольфа, отказавшегося от политических амбиций ради реализации издательских задач, заключалась в том, чтобы действовать строго в рамках закона и насыщать рынок переводной и детской литературой, то есть такой литературой, которая практически никогда не бывает запрещена. Эта стратегия вступает в проти-

⁶⁰ *Вяземский, П.* Лермонтов и госпожа Гоммер де Гелль в 1840 г. // Русский архив. 1887. № 9. С. 129.

⁶¹ Луиза Адель Оммер де Гелль (урождённая Эрио; 1810-1883) – французская писательница и путешественница.

⁶² *Либрович, С.Ф.* История одной запрещенной детской книги // На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Петроград; М., т-во М.О. Вольф, 1916. С. 263.

⁶³ Новый систематический каталог Русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа, существующего с 1853 года ... в С.-Петербурге и ... в Москве. 1830-1880. Санкт-Петербург; Москва, М.О. Вольф, 1881. С. 501.

воречие с абсурдной и непредсказуемой системой запретов, неспособной отличить наивную детскую игру от политической угрозы. На этом фоне становится понятным многолетнее стремление Вольфа добиться снятия запрета – стремление, ставшее для него делом принципа.

Вмешательство писательницы Натальи Грот с её представлением о детстве как “святой области”, а литературе как инструменте воспитания, подчёркивает идеологическую подоплёку цензурных решений, их глубокую патриархальную природу, при которой всепонимающий государственный аппарат буквально заменяет беспомощного неграмотного родителя. После ее экспертизы альбомы не были разрешены, но и усиления контроля за иностранной детской литературой, тоже не последовало.

Финал этого дела, разрешённого не институционально, а по воле одного благорасположенного чиновника, показывает, насколько нестабильной была система контроля, и насколько личная прихоть в имперской системе оказывается наиболее действенной формой закона.

Таким образом, дело о *Мисс Рыжей Шерстке* – это не просто курьёз из истории цензуры, а показатель глубинного конфликта между модернизацией культурной среды и имперской бюрократией, в которой даже котик в мундирах могли стать объектом подозрения.

Abstract

Censorship against Cats: The Case of the Ban on the Russian Edition of children illustrated books *Cats Tea Party* and *Tittums and Fido* by Harrison Weir

In 1873, the St. Petersburg Committee of Foreign Censorship unexpectedly banned two illustrated albums – *Cats Tea Party* and *Tittums and Fido* – by the English artist and writer Harrison Weir (1824-1901), “the Father of the Cat Fancy.” Published by Maurice Wolf, these books belonged to a larger series edited by Alexei Razin, which had previously been approved by the censors. Drawing on archival materials (1880-1881) from RGIA, this article reconstructs the trajectory of the ban: from the first objections of officials (cats in uniforms and the “improper” behavior of a young female cat), through the external expertise of the conservative journalist Natalia Grot, who insisted on the “protection of the sanctity of the child’s soul,” to the sudden permission granted by censor Pyotr Vyazemsky. This case demonstrates how the censorship, appealing to morality and child protection, sought to usurp the role of the parent, while the publisher developed tactics of resistance within an unpredictable cultural field.

Keywords: Censorship, Harrison William Weir, Maurice Wolf, Cat’s tea party, Natalia Grot, children’s literature.